

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2018 № 7

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2018. No. 7

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2018. № 7

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-8-45
УДК 821.161.1

Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг.*

Е.Р. Обатнина

Аннотация: В статье на основе обширного архивного материала восстанавливается бытовая и историко-литературный контекст творческой биографии А.М. Ремизова, связанный с отъездом писателя и его жены из России (август 1921 г.) и двумя годами, проведенными Ремизовыми в «русском» Берлине. Биографическая канва позволяет восполнить временные и историко-литературные лакуны, образовавшиеся в письмах Ремизова к жене, которые составили основное содержание рукописи «На вечерней заре». Статья является этапом в подготовке научной творческой биографии Ремизова, которая будет сопровождать полную публикацию рукописи «На вечерней заре».

Ключевые слова: А.М. Ремизов, творческая биография, эпистолярная литература, письма писателя, архивные материалы.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: lena.eo@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035)

В рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре», представляющей собой эпистолярный континуум совместной жизни писателя и его жены С.П. Ремизовой-Довгелло, экспозиция к главе, посвященной 1921 году, занимает всего пять строк, которые герметично вмещают, пожалуй, один из самых драматических сюжетов их судьбы, связанных с началом эмиграции: «1921 / 10–22.VIII / Карантин / Нарва (38–39 эшелон) / 1921 Berlin».

А.А. Ахматовой из редких петроградских встреч с Ремизовым в 1919–1921 гг. запомнилось его шутовское присловье: «Я не в осуждение зверю говорю»¹, которое, очевидно, в иронической форме отражало позицию писателя, отказавшегося от оценочных суждений по поводу наступившей советской эпохи. Действительно, летопись 1917–1921 гг., составившая содержание романа Ремизова «Взвихрённая Русь» (1927), повествовала о человеке, бессильном перед необратимостью революционного шквала.

Еще в 1919 г. началась история неоднократных прошений писателя в Совет Народных Комиссаров о выезде за границу с обращениями за поддержкой к писательской и партийной номенклатуре – М. Горькому, В.А. Карпинскому, С. А. Абрамову, А.Г. Глебову, В.Р. Менжинскому, Г.В. Чичерину, А.В. Луначарскому. Через год безрезультатных попыток он, в состоянии полного отчаяния, в письме В.А. Карпинскому от 20 апреля 1920 г. просил: «[...] помогите мне: поговорите с кем это надо! – отпустить меня и жену мою (С.П. Ремизову-Довгелло) в Финляндию хоть на теплые летние месяцы. Из последних сил хожу и все делаю. Измаяно сердце, ноги, дых и мысли»². Восстановить реальную жизненную ситуацию, в которой оказался Ремизов вместе с другими литераторами, подававшими прошение на выезд из страны, позволяют документы ЦК РКП(б). Их содержание раскрывает планомерную легитимацию деспотических механизмов воздействия на такую идеологически неустойчивую категорию граждан, как представители культуры буржуазной формации. В секретном донесении [sic!] начальника Иностранного отдела ВЧК Л. Давыдова в ЦК РКП(б) от 28 июня 1921 г. был сформулирован базовый тезис в отношении попыток творческой интеллигенции выйти из-под контроля новой власти, добиваясь права на эмиграцию: «[...] Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них,

¹ См.: *Тименчик Р.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto, 2005. С. 647.

² *Грачева А.М.* Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху второй русской революции // Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. М., 2000. С. 601.

как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями – ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства. Если только у ЦК РКП нет особых соображений, чтобы считать того или иного литератора за границей более желательным, чем в Советской России – ВЧК со своей стороны не видит оснований к тому, чтобы в ближайшем будущем разрешить им выезд. Во всяком случае, мы считали бы желательным разрешение подобных вопросов передавать в Оргбюро³.

В это время атмосфера петроградской жизни для интеллигенции становилась все удушливей, летом день ото дня росло число арестованных⁴. Положение Ремизова было небезопасным: на его счету были сатиры на большевиков, публиковавшиеся в 1917 г. на страницах эсеровской печати⁵. Но в то же время, как это ни курьезно, помощь Ремизову приходила именно со стороны большевиков, сохранявших толерантность к писателю, отчасти благодаря разнообразным личным встречам дореволюционной поры. Помощь этих старых знакомых носила всегда «экстренный характер». Первый прецедент большевистского покровительства случился в феврале 1919 г., когда Ремизов оказался в числе арестованных писателей по подозрению в контрреволюционном заговоре⁶. Другой случай имел место летом 1920 г.

В конце июня Ремизовым удалось перебраться с Васильевского острова на Троицкую, 4. Здесь новая власть выделила жилье для номенклатурных работников и некоторого числа представителей творческой интеллигенции, назвав этот, по-видимому, один из первых

³ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 21.

⁴ Ср. дневник Ремизова за 1921 г., отрывочные записи сновидений без указания месяца, свидетельствующие о крайней степени нервного напряжения писателя: «Сидим в моей комнате я, С. П. и Сергей. Ночь. С улицы вызывают из каждого дома и расстреливают. Сейчас дойдет очередь до нашего дома. Чей-то голос вызывает: – Год – 69. И я выхожу через окно...» (*Ремизов А. Дневник 1917–1921* / Подгот. текста А.М. Грачевой и Е.Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А.М. Грачевой // *Минувшее: Исторический альманах*. [Вып.] 16. М.; СПб., 1994. С. 500. См. также описание обстановки лета 1921 г. на основании дневников А. Бенуа: *Флейшман Л.* Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2016. № 4. S. 57.

⁵ См. об этом: *Lamp I.* Political Satire of Remizov and Zamjatin on the Pages of “Prostaja gazeta” // *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer* / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987]. P. 245–259 (UCLA Slavic Studies; Vol. 16); *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // *Русская литература*. 1992. № 1. С. 205–215; *Обатнина Е. А.* Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна...» // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 11. С. 142–153. Публикацию памфлета Ремизова см. также: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: *Взвихренная Русь*. М., 2000. С. 534–535.

⁶ Об аресте Ремизова вместе с другими писателями в ночь с 14 на 15 февраля 1919 г. см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: *Взвихренная Русь*. С. 208–221; 582–583 (коммент. А.В. Лаврова).

«ведомственных» домов в духе футуристических проектов – «Первый отель Петросовета». После всех мук – разрухи домохозяйства⁷, отмены движения городского транспорта, пеших походов на службу и по очередям в поисках продовольствия, – что пришлось претерпеть в доме на 14 линии Васильевского острова, где Ремизовы, по выражению писателя, «гнездились» зимой 1919/1920 г., жизнь в этом советском «общежитии», расположенном вблизи от места службы в ТЕО Наркомпроса, показалась баснословно комфортной⁸. Идея организации «Отеля Петросовета» принадлежала Борису Гитмановичу Каплуну, влиятельному члену коллегии отдела управления Петроградского совета, по своим эстетическим наклонностям тесно связанному с писателями из «бывших», в особенности с Ремизовым. Часто навещаясь к нему на Васильевский, новый большевистский управленец не мог не видеть страданий писателя, пытавшегося выжить физически и угасавшего творчески. Возможно, учреждение Отеля было задумано с целью не только поднять бытовой статус свежеепеченной советской номенклатуры, но и позаботиться о тех, кто оказался выброшен из планов строительства новой жизни. Хотя вполне очевиден утилитарный характер этой заботы в качестве средства привлечения на сторону новой власти значимых представителей интеллигенции, нельзя не признать, что старые дружеские контакты и уважение к творческому труду некоторое время после Октябрьского переворота оставались важнее идеологических разногласий. Ремизов, несомненно, испытывал чувство благодарности к гуманитарной деятельности М. Горького, хозяйственной помощи

⁷ Обстоятельства этих невыносимых условий быта описаны Ремизовым в рассказе «Труддезертир» (впервые: Современные записки. 1925. Кн. 26. С. 161–183; включен в роман «Взвихренная Русь», 1927).

⁸ Очевидно, аналогичное впечатление испытал и писатель Вяч. Шишков, который со своей первой женой занял соседнюю с Ремизовыми квартиру. Ср. воспоминания, написанные в 1945–1946 гг. первой женой Шишкова, о новом местожительстве в Петрограде, которое она ошибочно называла «Домом Советов»: «К концу двадцатого года мы оба [К.М. Жихарева и В.Я. Шишков. – Е.О.] пришли в такой упадок, не столько от голода, сколько от общего неустройства жизни, что А.М. Горький переселил нас в Дом Советов, где уже жил А.М. Ремизов. Нам дали две прекрасных больших комнаты, температура там была всегда не ниже 12 градусов по Реомюру, до места службы (с угла Троицкой улицы) мне было меньше пяти минут ходу, Вячеславу Яковлевичу до его комиссии [подразумевается Театральный отдел при Наркомпросе – Е.О.] тоже было гораздо ближе, а самое главное свет был круглые сутки» (*Жихарева К.М. Десять лет // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1987. С. 112*). Ср. также письмо Г.Д. Гребенщикова А.Ф. Даманской от 6 августа 1921 г., в котором сообщались новости из Петрограда: «24 июля я получил ответ от Шишковых. Они кланяются Вам и пишут, что с некоторых пор “блаженствуют” – живут в 1-м Отеле Петросовета, Троицкая 7 [sic! – Е.О.], кв. 4, и я не знаю – как мне определить степень их красноты, если они блаженствуют» (*Росов В.А. Георгий Гребенщиков: Письма из Ля Фавьера // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 4. Барнаул, 2008. С. 180*).

Б. Каплуна и стародавней поддержке большевички С. Н. Равич (знакомой еще по северной ссылке, которая в силу своей влиятельности среди первых членов ЦК также способствовала улучшению бытовых условий творческой интеллигенции), когда записал в дневнике: «Как мы переехали на Троицкую в Отель, я мог писать»⁹.

Нежданно-негаданно обретенное состояние творческого подъема продлилось недолго и вновь оказалось под гнетом внешних угроз. Вскоре обнаружилось, что и в среду литераторов проникла идея классового расслоения. Представители пролетарской культуры весьма ревностно следили за распределением «благ» по заслугам перед революцией. Ремизов же, очевидно, считался скрытым врагом, и дорога в социалистический рай ему была заказана¹⁰. «...что было толчком к загранице? – размышлял писатель уже в Берлине, стараясь проанализировать стремительные и необратимые события лета 1921 г., и вспомнил бессильное отчаянье, пережитое его измученной душой перед вестью, принесенной, по всей вероятности, Борисом Каплуном: – Предупреждение Б., что нас выгонят из Отеля. Если бы этого не произошло – мы бы не уехали, по крайней мере так скоро»¹¹.

Отдельные представители интеллигенции, вошедшие в правительство, также не могли еще порвать свои стародавние связи, напоминавшие о молодости, в которой уживались и порывы революционного романтизма, и модернистские литературные искания. Таким был А.В. Луначарский, познакомившийся с Ремизовым в вологодской ссылке (1901–1903)¹². В начале века их пути еще несколько раз пересекались на символистских «просцениумах» Петербурга, в частности, на «башне» у Вяч. Иванова¹³. Отклик наркома на реми-

⁹ Ремизов А. Дневник 1917–1921... С. 513.

¹⁰ Ср. статью В. Князева, написанную сразу после исчезновения Ремизова из Петрограда (*В-Кн. [В.В. Князев] Литературные новости // Красная газета. 1921. № 186 (1062), 10 сент. С. 4*), пафос которой был направлен на писателей, составлявших оппозицию флангу пролеткульта. Ремизов, побег которого стал общеизвестен, обвинялся в неблагодарном отношении к советской власти, обеспечившей его квартирой, при этом Князев, потрафляя пролетарской ненависти к творческой интеллигенции, не поспешил на гиперболы, описывая уровень советских привилегий в «Отеле Петросвета», выделенных на такую бесполезную для советского строя душу населения, как Ремизов. Прочитав эту статью, эсер С. П. Постников, находившийся в это время в Силезии, писал Ремизову, иронизируя над авторским вымыслом: «А хорошо Вам жилось в Питере – и лошадь, и горничная, и роскошь и все, все из земных благ» (*Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 1. F. 1. P. 97. Далее: Amherst, с указанием шифра*).

¹¹ Ремизов А. Дневник 1917–1921... С. 513.

¹² См. упоминания о нем в автобиографической книге «Иверень». См. также: *Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского // Литературное наследство. Т. 82. М., 1970. С. 603–619.*

¹³ Факт участия Луначарского в дискуссии, произошедшей на Башне Вяч. Иванова в начале февраля 1906 г., зафиксирован в письмах Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. За-

зовскую просьбу поддержать его прошение о выезде за границу был, несомненно, данью собственному литературному прошлому¹⁴. Думается, не будет преувеличением сказать, что помощь Ремизову потребовала от Луначарского очевидного должностного нарушения. В начале июня Ремизов получил разрешающий выезд документ, который был составлен и подписан лично наркомом просвещения, лишь на том основании, что ревельское издательство «Библиофил» планировало выпустить сборники «Шумы города» и «Огненная Россия». Удостоверение Луначарского имело следующую формулировку:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящим удостоверяю, что народный Комиссар по Просвещению находит вполне целесообразным дать разрешение писателю Алексею Ремизову временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел, т.к. его сочинения издаются и сейчас за границей вне поля его непосредственного влияния.

Нарком по Просвещению А. Луначарский¹⁵.

Это решение не было согласовано ни с членами ЦК РКП(б), ни с «Оргкомитетом», в ведение которого передавались подобные вопросы. По-видимому, слабую попытку узаконить уже выданное Ремизову «Удостоверение» Луначарский предпринял в письме в наркоминдел Чичерину чуть больше месяца спустя. Однако в этой докладной записке речь шла уже главным образом о спасении умирающего Блока, поэтому упоминание о прошении Ремизова осталось незамеченным в ситуации крайне негативного отношения руководителей советского государства не только к эмиграции, но даже к кратковременным выездам литераторов за границу¹⁶.

Впоследствии Ремизов и сам выдавал из своего Обезвельволпла подобные пропускные билеты «на право вольного и безвизного въезда и выезда куда угодно – в какие страны или в какие города

мятниной (см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники. М., 2009. С. 165).

¹⁴ Партийная переписка отражает критику излишней толерантности Луначарского по отношению к писателям (Бальмонту, Белому, Блоку, Бунину, Ремизову, Сологубу), за которых он ходатайствовал по вопросу о выезде за границу (Власть и художественная интеллигенция... С. 22, 24).

¹⁵ Там же. С. 602.

¹⁶ 8 июля 1921 г. нарком Луначарский писал в наркоматдел Чичерину: «Общее положение писателей в России чрезвычайно тяжелое. Вам, вероятно, известно дело об отпуске за границу Сологуба и просьбы о том же Ремизова и Белого; но особенно трагично повернулось дело с Александром Блоком...» (Там же. С. 22).

безразлично»¹⁷. Но в начале августа 1921 г. на пути из России ему выпала не игровая (безграничная в полном смысле слова) свобода Обезвельволпала и отнюдь не забота Политбюро о литераторе, включенном в списки «товарищей, лечащихся за границей», как, например, Горькому¹⁸, а досталось нечто вроде «охранной грамоты», полученной «по старой дружбе» от Луначарского, который взял на себя личную ответственность и риск пойти в обход ЦК РКП(б). Писатель наверняка понимал, что, не получив официального разрешения политбюро, которое выдавалось не одним членом ЦК, а после коллегиального обсуждения и голосования¹⁹, его отъезд, даже санкционированный лично наркомом по Просвещению, мог иметь самые непредвиденные последствия как для него самого, так и для его влиятельного покровителя. Поэтому он стремился заручиться более весомыми документами и обратился к Горькому, который также был подключен к решению проблемы. В письме от 8 июня 1921 г. Ремизов сообщил о получении разрешения на выезд, подписанного Луначарским, и отправил оригинал этого документа с просьбой: «приложите к анкете нашей заграничной». «Охранная грамота» и поныне находится в личном архиве Горького²⁰. Это означает, что эмиграция Ремизова состоялась стихийно и «удостоверение» Луначарского осталось без применения.

Итак, «охранная грамота» Луначарского была направлена Горькому, и в ожидании официального пакета документов Ремизов находился до начала августа, пока не возникла экстренная ситуация, подтолкнувшая писателя к весьма отчаянному и даже авантюрному поступку – использовать прикрытие представителя издательства «Библиофил» А. Орга для выезда из России в эшелоне с депортируемыми из Петрограда эстонцами. А. Орг обладал дипломатическим статусом и официально отвечал за организацию отъезда оптантов на родину, в Эстонию. Формирование эшелона и безотлагательный отъезд из Петрограда самого Орга решил судьбу Ремизовых²¹. Массовый исход граждан Эстонии из Советской России по договоренности между двумя странами не предполагал подробной паспортной

¹⁷ Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 134; а также воспроизведение «пропускного билета» Н.Л. Слонимского (разд. «Коллекция»).

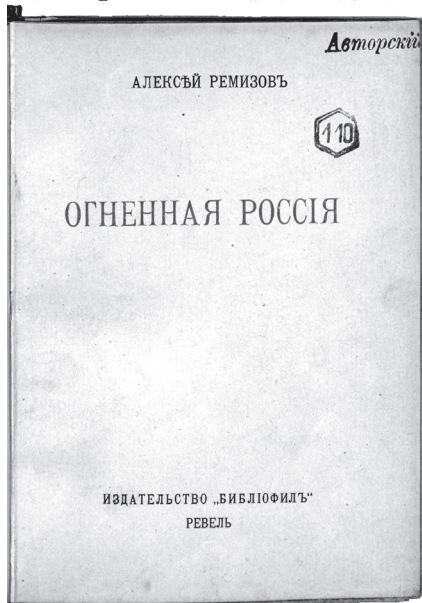
¹⁸ См. постановление Политбюро от 31 декабря 1921 г. (Власть и художественная интеллигенция... С. 30).

¹⁹ Ср. документы, в которых решалась судьба А.А. Блока (Там же. С. 29).

²⁰ См. публикацию письма и текста «удостоверения»: *Грачева А.М.* Между Святой Русью и Советской Россией... С. 602.

²¹ Фактическая подоплека отъезда Ремизовых и решающая роль А.Г. Орга в этой истории впервые раскрыты в статье: *Флейшман Л.* Бегство в Эстонию... С. 42–74.

проверки. Необходимые документы, подтверждающие эстонские «корни», очевидно, ограничивались «беженским билетом», которым Ремизовых снабдил Орг²².

5 августа 1921 г. в 4 часа дня супруги Ремизовы сели в товарный поезд под номером 38–39 на Варшавском вокзале. Из багажа при них было лишь самое необходимое, поместившееся в ручной клади. И хотя, готовясь к отъезду, они загодя предприняли попытки добыть денег на первое время в предстоящей эмиграции, события развивались быстрее, чем можно было предусмотреть. «Всю квартиру бросили на произвол судьбы, – как впоследствии вспоминала жена писателя, – книги продали за 4 миллиона (это 6 тысяч германских марок), но не получи-

ли денег²³, п[отому] ч[то] за три часа узнали, что надо ехать...»²⁴ В 3 часа ночи поезд тронулся. Забывшись тяжелым сном, пассажиры закрытого наглухо вагона только в 6 часов утра поняли, что поезд давно стоит: оказалось – прибыли на соседний Балтийский вокзал. Можно лишь отдаленно представить сомнения в совершённом выбо-

²² Ремизовы приготовили на всякий случай легенду о некоем эстонском родстве Се-рафимы Павловны, в действительности имевшей литовские корни. В книге Н.В. Резниковой со слов писателя, записанных, очевидно, в конце 1940-х гг., упоминалась «зацепка», на основании которой Ремизовы могли подойти под статус «оптантов», однако документальное подтверждение каких-либо родственных связей в Эстонии у них навряд ли имелось (см.: *Резникова Н.В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 61).

²³ Книги были проданы издательству «Петрополис». Подробнее о длительной истории возмещения Ремизову денег см. в примечаниях к письму от 20 июня 1922 г. (наст. публ.). Подготовкой книг к продаже занимался В.В. Смиренский, который в письме сотруднику Пушкинского Дома В.И. Мальшеву писал: «...эту библиотеку, по просьбе А.М. [Ремизова. – Е.О.], каталогизировал (в те дни я был заведующим 4 библиотеками: Артиллерийской Академии, Военно-инженерной Академии, Союза писателей (на Фонтанке) и Дома Литераторов (на Карповке). Но – принимал, по молодости лет, и частные заказы [...] Так я сделал описание книг и Ремизова, и он по этому списку (как он мне сказал) эту библиотеку – продал» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 1133. Л. 7об.; письмо от 16 октября 1974 г.).

²⁴ Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной; письмо от 10 декабря 1921 г. (в печати).

ре, которые роились в голове писателя тем утром²⁵. Только в 11 часов 6-го августа эшелон выдвинулся в сторону Ямбурга, где после установления советско-эстонской границы в апреле 1920 г. был учрежден пункт № 1 таможенного надзора. Здесь оптантов ожидал обыск на предмет вывоза «национального достояния». Именно этой процедуры Ремизов опасался больше всего, зная запрет на перевоз за границу личных писем и рукописей, поэтому, решаясь на «побег», все ценное (рукописи, дневники и письма В.В. Розанова, приготовленные для издания будущей книги) он доверил для транспортировки выехавшему из Петрограда одновременно с ним А.Г. Оргу, полагаясь на его дипломатическую неприкосновенность. 9 августа поезд отправился в Нарву. После сдачи советских паспортов, перейдя мост, которому по заключенному между Эстонской и Советской республиками договору теперь надлежало разъединять, а не соединять два берега, Ремизовы оказались в «чистилище» для переселенцев. «После бани карантин», – коротко записал Ремизов в 10 часов вечера 10 августа.

Оптанты, натерпевшиеся в России от голода и житейской неустроенности, измученные переездом в «скотском» – «телячьем», как его описывал Ремизов, – вагоне²⁶, радовались стерильности и благоустройству подготовленных для них барачков²⁷. Возможно, даже предоставленный им досуг показался благом. Этот интервал межвременья между метрополией и диаспорой Ремизов не мог принять за «свободу». Об атмосфере нарвского карантина, впечатления от которой врезались в память, Ремизов записал в дневнике 1940-х гг.: «Это как после пожара в глазах огонь – такое я увидел в карантине в Нарве, куда попали мы из России в августе 1921 г. Особенно мне памятны танцы: молчаливо-кружащиеся пары. Мне казалось, что прожитые годы в Революцию забили рты на клей: какое жуткое

²⁵ Ср. запись поздних воспоминаний Ремизова: «В ночь перед отъездом, 5-го августа: “как не хотелось уезжать. Всю ночь продумал: не хотелось. Но потом как оборвало, а у С.П. открылось на границе: ей так не хотелось расставаться”. Целый день в Петербурге ушел на переезд с одного вокзала на другой, на формальности и на обыск» (*Резникова Н.В.* Огненная память... С. 61).

²⁶ Ср. инскрипт Ремизова на альбоме «Последний путь из России» с его рисунками, посвященными пути в Нарву: «Наш путь за границу / 5 VIII 1921 / в скотском вагоне и карантин в Нарве / на чужой земле из / взвихренной Руси и навсегда» (РО ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 1. № 44. Л. 2).

²⁷ Ср. также упоминание о сходных обстоятельствах перемещения оптантов из России в Эстонию. Мемуаристка, проделавшая путь из Москвы в Нарву в январе 1922 г., сравнивая впечатления о московском голоде и разрухе, писала: «Потрясающим контрастом со всем этим развалом была Эстония. Наш эшелон, состоявший из набитых оптантами товарных вагонов, прибыл в Нарву в 2 часа ночи. Нас повели в баню, одежду отправили в прожарку, вещи – в дезинфекцию. Под утро мы попали в чистейшее помещение карантина с аккуратно застеленными кроватями. Поразил меня утренний завтрак!» (*Милюткина Т.П.* Люди моей жизни / Предисл. С. Г. Исакова. Тарту, 1997. С. 38).

молчание с невыбивающимися словами из-под. И тоже особенно памятно: звероподобный начальник с лицом расплюснутым масляным, – он танцевал всякий вечер. Остановившийся огонь в глазах и разочарование: карантин на две недели – каторга! Те же самые порядки, от которых, думалось, наконец-то, избавился. Тягчайшее воспоминание»²⁸.

Эшелонные испытания на пути из России и карантинная изоляция в Нарве тем не менее были скрашены для Ремизовых новым знакомством, вызвавшим в них чувство почти родительского тепла к одному из попутчиков. Леониду Иллисону, уроженцу Эстонии, шел тогда 21 год. И он, сам того не зная, в эти тягчайшие дни отвлек супругов от горьких раздумий о судьбе их дочери Наташи. В 1917 г. Ремизовы в последний раз смогли выбраться в Берестовец. Наташа уже в это время стала строптивым подростком. Со всей силой природного характера, немало повторяющего темперамент Серафимы Павловны в умении категорически отвергать и осуждать, она наотрез отказалась от предложения родителей вместе выехать за границу. Настроенная родственниками Серафимы Павловны враждебно, девочка вела себя по-детски жестоко, наивно оберегая семейный очаг, созданный ее бабушкой и теткой (матерью и сестрой Серафимы Павловны). Отца она попросту избегала, стесняясь его внешности и презирая его литературный труд. Отзвук темы эмиграции прочитывается в короткой дневниковой записи писателя: «Вчера слышал, как Наташа говорила о “политике” всякую путаницу и про Амигрантов»²⁹. Так и простились, не зная, когда снова увидятся. Судя по сохранившимся письмам Ремизову, Иллисон душевно привязался к нему и его жене, испытывая огромный пиетет к личности писателя и вместе с тем сохраняя детскую непосредственность. Может, оттого и прозвали они его сказочным именем – Волк Волкович³⁰.

Через 11 дней, проведенных в карантинных бараках³¹, вечером 22 августа путь в Ревель был открыт. Однако череда испытаний росла в геометрической прогрессии, удваиваясь с каждым шагом по «свободной» земле. Предстояло пережить сразу два несчастья, и оба связанные с А.Г. Оргом. Во-первых, их «проводатый» за границу рассказал, что в Ямбурге во время таможенного обыска он был, по сути, лишен полномочий эстонского дипломата, а его багаж с пристрастием досмотрен. Чекисты обнаружили рукописи, дневники

²⁸ Ремизов А.М. Дневник 1917–1921 гг... С. 539 (коммент. А.М. Грачевой).

²⁹ Там же. С. 439.

³⁰ Amherst. Series 1. В. 1. F. 7. P. 148.

³¹ См. подневную роспись этого карантинного заключения: Ремизов А.М. Дневник 1917–1921 гг... С. 501.

и письма, запрещенные к вывозу, а также «контрабандные ценности», которые затем в советской прессе оценивались в 10 миллиардов рублей³². Пропажа рукописей практически обесмысливала для Ремизова весь путь из России³³. Во-вторых, не менее жестокий удар судьбы поджидал их на пороге того временного приюта, на который они рассчитывали, очевидно, доверяя обещаниям того же Орга. Утром 23 августа в Ревеле он отвез Ремизовых по заранее известному адресу на улицу Глиняную, как запомнил писатель перевод эстонского названия, – *viigu Tänap*, 4–2. Их встретил М.Л. Кантор – редактор и «технический директор» издательства «Библиофил», уже занимавший комнаты в этой квартире. Гостям предложили отдых и ароматный кофе, однако гостеприимство было омрачено врученным здесь же посланием от неизвестного подателя. Ремизов вскрыл конверт и прочел:

Господину А. Ремизову
М. Г.

К крайнему сожалению, я вынужден объявить вам, что о занятии Вами комнаты вышло досадное недоразумение.

Владельцы квартиры Г-да Гуткины не были в том осведомлены и согласия на занятие Вами комнат не изъявляли. Так как означенная комната нужна им для собственного пользования. Ввиду приезда с дачи.

С совершенным почтением пребываю
А. Зайдельсон

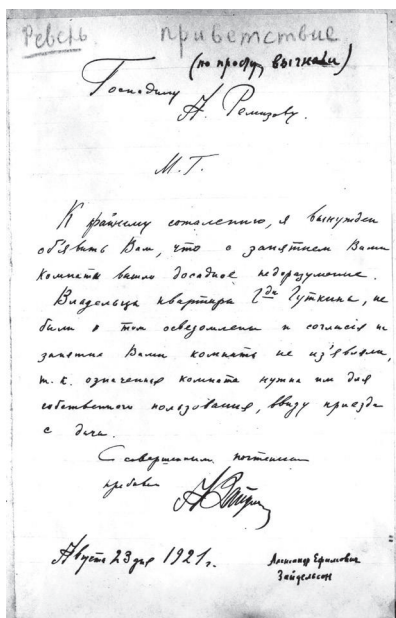
Августа 23 дня 1921 г.

Разбирая свой архив в 1948 г., Ремизов на первой странице альбома с корреспонденцией и документами, отражающими временное пребывание в Эстонии, поместил письмо А.Е. Зайдельсона, на котором, по всей вероятности, еще в конце августа 1921 г. появилась чернильная надпись: «*Попросту выгнали*», а некоторое время спустя – надпись красным карандашом с ироническим пояснением к началу эмигрантской «одиссеи»: «*Ревель. Приветствие*»³⁴. Между тем адрес именно этой квартиры в Ревеле Ремизов заранее сообщил

³² Заметка «Грандиозная спекуляция» с пометой «Москва. 28. 1 («Аргус»)» сохранена Ремизовым в конволюте писем за 1921 г.; печатный источник эмигрантской прессы нами не установлен (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 3).

³³ Историю возвращения Ремизову его рукописей см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. М., 2001. С. 528 (коммент. А.М. Грачевой); *Обатнина Е.* Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е. Обатнина. СПб., 2011. С. 250–253 (сер. Литературные пмятники).

³⁴ Ср. дневниковую запись: «23 VIII. Утро. Приехали. Сидим в комнате и ждем: поустят ли нас или [1 сл. нрзб.]» (*Ремизов А.М.* Дневник 1917–1921 гг... С. 521)

берлинским друзьям, надеясь на их помощь в оформлении германской визы.

В воспоминаниях М.Л. Кантора, написанных в 1960 г. на основании дневниковых записей 1921 г., так и оставшихся неопубликованными при жизни автора³⁵, приводится нелицеприятный отзыв о Ремизове как о человеке капризном, не готовом к жизненным перипетиям в эмиграции, к тому же обремененном чрезмерным писательским самомнением. Оставив за рамками дневника эпизод с письмом Зайдельсона, о вручении которого мемуарист, без сомнения, знал, Кантор вспомнил, как после долгих и безрезультатных

поисков жилья, предлагаемого «библиофильцами», Ремизов, оставшись недовольным всеми вариантами, произнес шокирующую фразу, апеллирующую к советским властям: «Нет, я вижу, что оставаться нам здесь нельзя. Что же, придется мне пойти в советское посольство, объяснить, что нас обманом вывезли из Сов. России, и попросить, чтобы нас вернули домой»³⁶. Высказывание Ремизова даже дало основание Кантору считать, будто Ремизов, обиженный на Орга, несколько недель спустя сумел подстроить появление в печати обвинений издателя в скупке рукописей у петроградских писателей на унижительных условиях³⁷.

Сохранившееся письмо Зайдельсона придает принципиально иное содержание ремизовскому положению в первый его день в свободной Эстонии. После испытаний, пережитых в советском Петрограде, авантюры с побегом, в ситуации загнанного в угол человека, оказавшегося без крова над головой и без рукописей новых произведений, на издание которых писатель надеялся в самое ближайшее время как на источник существования в новых условиях, нелегко сохранить самообладание и даже от отчаяния не понадеяться на очередную помощь того самого «зверя», которого, по словам Ахма-

³⁵ Публикацию воспоминаний М.Л. Кантора см.: Флейшман Л. Бегство в Эстонию... S. 43–49.

³⁶ *Ibid.* S. 46

³⁷ *Ibid.* S. 62.

товой, не осуждал писатель и в самые для него лично черные дни победы большевиков³⁸. Ремизовское упование на помощь от товарищей по вологодской ссылке, оказавшихся на руководящих постах новой власти, все-таки было неискоренимым, тем более что и потом именно партийные руководители по старой памяти, сохраняя к нему личную симпатию, содействовали возвращению личного архива писателя, конфискованного у А. Орга при пересечении им границы. Сказанные Ремизовым слова, возможно, и отразили «помутнение» его сознания, в то время как конкретные поступки писателя в отношении Орга свидетельствовали о довольно трезвом взгляде писателя на положение вещей. Сравнивая объективные (документальные) и субъективные факторы, отметим, что мемуарист извлек из глубин памяти впечатление о минутных слабостях писателя, однако не упомянул о том, что именно Ремизов опубликовал «Письмо в редакцию» ревельской газеты, где опроверг измышления о «махинациях» Орга. Личная оценка деятельности представителя издательства «Библиофил», которую высказал писатель, на самом деле лишь подтверждала реальную картину петроградской катастрофы, вынуждавшей его и других собратьев по перу практически обменивать свое творчество на скудный продовольственный паек. Однако гонорары Орга послужили чуть ли не единственным средством к выживанию, за что ему нельзя было не воздать должное. В своем печатном обращении Ремизов написал:

Прошу напечатать разъяснение мое о «Библиофиле», о котором написано в Päevaleht 236 от 6 IX – Spekultatsioon naljaga. – Нет, конечно, за книгу мою «Шумы города» дает мне «Библиофил» не 5.000 м., а 5.000 м. за лист. А о петербургской истории «Библиофила» – как «Библиофил» рукописи собирал, позвольте тоже поправить. В июне А.Г. Орг предложил мне за мою книгу ½ мил. сов. руб. за лист. Полмиллиона за лист – это гонорар, превышающий всякие гонорары: и советский Госизд. в 30.000 р. за лист, и наш союзный Петербургского отделения Всероссийского союза писателей в 2.000 р. за лист. Я принял предложение Орга с благодарностью. Я помню, получив авансом лимон (1 миллион руб.) – вот этакую кипу – полный портфель! – купили мы сахару (1 ф. – 30.000 р.), масла (1 ф. – около 30.000 р.), баранок (1 б. – 1. 500 р.) и такой вечер справили, ну, как в старое время где-нибудь в Москве дружная се-

³⁸ См., в частности, антибольшевистский памфлет Ремизова «Вонючая торжествующая обезьяна...», поводом для создания которого (1 января 1918 г.) стал декрет о национализации авторских прав. Однако в реальности Ремизов создал обобщенный портрет революционера.

мья воров на Хитровке. Пили чай с сахаром, с баранками, поминали добрым словом Орга³⁹.

Возможно, принимая во внимание несоразмерность гонорара за рукописи в сравнении с реальными ценами и сложившимися обстоятельствами, издательство «Библиофил» взамен обещанной комнаты в квартире Гуткина оплатило писателю и его супруге проживание в санатории с 23 августа по 18 сентября. За это короткое время наладились контакты со многими «потерянными» в годы гражданской войны друзьями. Одним из них был И.С. Соколов-Микитов, обосновавшийся в Берлине. Разыскав ревельский адрес писателя благодаря сообщениям в газетах, 31 августа он приветствовал, по его выражению, «выходцев с того света», с которыми виделся в последний раз в Петрограде в 1919 г.: «Дорогие Алексей Михайлович и Серафима Павловна! Слышу о Вашем спасении и верить боюсь, как неожиданно»⁴⁰. Привет единомышленника, с которым писали в «Простой газете» (Петроград) иногда даже под одним псевдонимом, пытаюсь поддержать оппозиционные силы, противостоящие большевистскому террору в 1917 г.⁴¹, конечно, был воспринят как обещание теплого приема в кругу соотечественников. Среди знакомых Ремизова в Берлине уже стало известно, что писатель стоит перед дилеммой выбора между двумя центрами русского мира в эмиграции – Парижем⁴² или Берлином. Предупреждая о парижской дороговизне и малочисленности русских издательств на французском книжном рынке, Соколов-Микитов обещал: «Буду хлопотать через местный комитет помощи литераторам о визе для Вас в Германию и о деньгах на дорогу»⁴³. В это время главный редактор берлинского журнала «Русская книга», приятель Соколова-Микитова, один из первых «невозвращенцев» в советскую Россию, А.С. Ященко развернул бурную деятельность, чтобы найти основания для открытия германской

³⁹ Ремизовское «Письмо в редакцию» было напечатано в эстонской газете «Päevaleht» (1921. № 238, 8 sept. Lk. 5), а также в русскоязычной ревельской газете «Последние известия» (1921. № 219, 9 сент. С. 4). В контекст биографии писателя это печатное выступление было введено в статье: *Доценко С. Н.* А.М. Ремизов в Эстонии: Начало эмиграции // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике: Альм. Таллин, 1996. Т. 2. С. 189–190.

⁴⁰ Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 21; письмо от 31 августа 1921 г.

⁴¹ См. примеч. 6.

⁴² Обращение Ремизова к парижским деятелям русской эмиграции с просьбой о поддержке в получении французской визы подтверждается ответным письмом С. Н. Метальникова, предлагавшего писателю вполне конкретные шаги, в частности, отправить телеграмму через консульство Франции в Ревеле в Министерство Иностранных дел с прошением о визе и ссылкой на поручителей – французских славистов, в частности А. Мазона (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 45–46).

⁴³ Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 19.

визы для Ремизовых. Среди посланных Ремизову уже 3 сентября бумаг были и официальное письмо от Христианского союза молодежи с предложением фиктивного места службы в Берлине, и письмо к знакомому служащему немецкого посольства в Ревеле с просьбой «устроить» немецкую визу. Очевидно, все эти совместные усилия возымели действие, так что уже в следующем письме, полученном 27 сентября от Соколова-Микитова, пришло долгожданное известие: «Виза Вам выхлопотана»⁴⁴.

Из прессы берлинским друзьям также стало известно о сотрудничестве писателя с издательством «Библиофил». Оказалось, что репутация Гуткина и Орга в Берлине получила самые негативные отклики. «Бога ради, – предупреждал Соколов-Микитов, – не продавайте ничего издателям ревельским – обжулят непременно, и остерегайтесь большевистского издательства Лундберга⁴⁵, о котором, слышно, ведутся переговоры»⁴⁶.

В России отношения Ремизова с упомянутым Евгением Германовичем Лундбергом внешне носили дружественный характер, но после публикации ремизовского «Слова о гибели русской земли» (1917) претерпели идеологические корректировки⁴⁷. В Германии литератор жил с 1919 г. и вскоре стал руководителем берлинского отделения издательства «Скифы». Именно издательская деятельность за границей оказалась в центре громкого скандала, обнаружившего его просоветские убеждения. Основным инициатором разоблачения Лундберга как «советского чиновника» тогда выступил соредактор газеты «Руль» и глава издательства «Слово» И.В. Гессен⁴⁸. Вся эта история сказалась на содержании первого письма Лундберга, которым он 12 сентября отвечал Ремизову на просьбу помочь ему получить визу. Хотя проблема визы к этому времени уже была разрешена, тем не менее текст послания Лундберга не мог не открыть Ремизову глаза на реалии эмигрантского мира, в котором писателю предстояло найти свой модус отношения к политике и литературе.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Подразумевался организованный Лундбергом «Гостехиздат».

⁴⁶ Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 19.

⁴⁷ Подробнее см.: Е.Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А.М. Ремизову (1910–1918) / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 314–367.

⁴⁸ Подробнее см.: *Обатнина Е.* 1) Е. Лундберг versus И. Гессен: малоизвестные подробности несостоявшегося третейского суда // Зарубежная Россия. 1917–1939. Сб. статей. Кн. 2. СПб., 2003. С. 271–276; 2) История одной сожженной книги // Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция / Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М., 2006. С. 158–168.

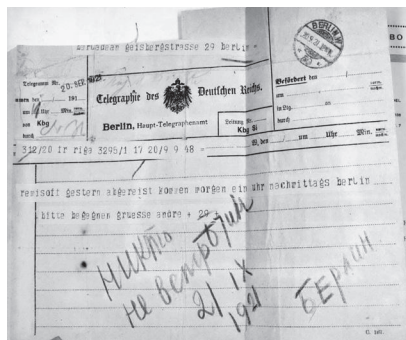
Соответственно своим представлениям о политической прагматике Лундберг писал:

Дорогой Алексей Михайлович,

О вас начал хлопотать – но надо иметь терпение, все это сейчас не так легко [...] не обращайтесь с просьбой о визе без разбора ко всем – и здесь, как в России, прошла черта между левыми и правыми. Участие в издат[ельстве] Гессена («Слово») или его газетах испортит Вам ценные возможности⁴⁹.

В Ревеле, пока Ремизовы ожидали германской визы, у них завязались дружеские отношения с кругом журналистов прибалтийской периодической печати, особенно с сотрудником газеты «Русские ведомости» Л.И. Львовым и его женой. Отчасти стараниями этих людей в эстонской столице был организован вечер чтения писателя⁵⁰.

В издательстве «Библиофил» шла верстка книг «Шумы города» и «Огненная Россия»⁵¹. Однако, не дожидаясь их печати в типографии, 19 сентября Ремизовы выехали через Ригу в Берлин. Некто Andre отправил из Риги на имя неизвестного Ремизовым Алексея Барладеана⁵² телеграмму с сообщением о прибытии супругов 21 сентября утренним поездом и просьбой встретить. Телеграмма сохранилась в архиве писателя. На ней рукой Серафимы Павловны памятная запись красным карандашом: «Никто не встретил». Вскоре состоится

⁴⁹ Предупреждения Лундберга были тщетны: Ремизов направил Гессену просьбу о содействии в получении германской визы в двадцатых числах августа. 30 августа письмо дошло до адресата, который тотчас ответил обещанием помочь и приглашением печататься в газете «Руль», а вскоре даже отправил писателю денежный перевод, о чем свидетельствует ремизовская помета на том же письме: «вспомоществ[ование] 1. 000 м[арок]» (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 42–43).

⁵⁰ Подробнее см.: Доценко С. Н. А. М. Ремизов в Эстонии... С. 190.

⁵¹ Авторские экземпляры книг «Шумы города» и «Огненная Россия», изданных ревельским издательством «Библиофил», Ремизов получил от Кантора 28 октября. Ср. письмо С. П. Постникова Ремизову, отправленное из Чехии от 19 октября: «Здесь только что вышли “Шумы города” и “Огн[енная] Россия” – издатели говорят, что выпущено в [количестве?] 5000 экз. “Огн[енная] Россия” издано неважно» (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 95).

⁵² В Берлине профессиональный революционер Барладеан рекомендовался следующей визитной карточкой: Dr. Alexi Barladean. Spezialkorrespondent der “Woljra Rossii” für Kriegsgefangenen-, Internierten- und Flüchtlingsangelegenheiten = Специальный корреспондент «Воли России» по делам военнопленных, интернированных и беженцев (нем). Экземпляр сохранился в архиве Ремизова (Amherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 50).

и личное знакомство со специальным корреспондентом газеты «Воля России». Именно в этом, эсеровском по политическому направлению эмигрантском издании, вскоре изменившем формат выпуска на еженедельник (с января 1922 г.), в сентябрьских и октябрьских номерах 1921 г. появились первые публикации художественных произведений писателя в эмиграции – рассказы из петроградской жизни 1919–1921 гг., частично вошедшие в книгу «Шумы города» (Ревель, 1921) и позднее в роман «Взвихрённая Русь».

Без малого месяц, переезжая из пансиона в пансион (всего пять адресов), Ремизовы искали квартиру, пока 15 октября не поселились в районе Шарлоттенбург, облюбованном русскими, на улице Церковной – Kirchestrasse, 2. Пансион фрау Делион пользовался спросом среди прибывавших из России. Для Ремизова эти постояльцы были людьми, с которыми его связывали тесные либо случайные знакомства: руководитель берлинского отделения издательства «Эпоха» Соломон Каплун, латышские скульпторы-авангардисты Карл Залитис и Арнольд Дзиркалис, литераторы Андрей Белый и Борис Пильняк.

Собственно, адаптация Ремизова в среде берлинской литературной эмиграции произошла благодаря поддержке и сотрудничеству с редакцией журнала «Русская книга». Уже в сентябрьском номере, по традиции, заведенной А. С. Яценко, в разделе «Писатели», освещавшем со времени основания журнала (январь 1921 г.) «судьбу и работы русских писателей, ученых и журналистов», появился curriculum vitae Ремизова с 1918 г., который завершался констатацией:

5 VIII по беженскому билету уехал из России за границу, чтобы, «прикоснувшись к старым камням Европы»⁵³, набраться силы и вернуться назад в Россию, – русскому писателю без русской стихии жить невозможно⁵⁴.

Очевидно, публикацию в эмигрантском журнале Ремизов использовал как «открытое письмо», потому что здесь же он счел необходимым обозначить свою позицию как по отношению к Европе, так и к той корневой системе русской культуры, отделиться от которой он не мог и помыслить. Несколько позднее мысль об учительной роли Европы для «взвихрённой» России Ремизов повторил в авто-

⁵³ Аллюзия на слова Ивана Карамазова: «Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними...» (*Достоевский Ф.М.* Полное собр. соч. в 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 210).

⁵⁴ Русская книга. 1921. № 9, сент. С. 29–30 (Отд. IV. Писатели).

биографии, написанной по заказу редактора московского журнала «Россия» И. Лежнева. Текст был опубликован в февральском номере и содержал смысловые акценты, обозначенные авторским курсивом:

В конце лета 1921 г. по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский много мучился, выпущен был временно уехать из России. Пользуясь гостеприимством Германии, поселился я в Шарлоттенбурге на Церковной улице у львов (Charlottenburg, Kirchstr, 2, bei Delion), продолжаю начатые в России работы – голова успокоилась, – и учусь у великой германской культуры, давшей столько миру, и особенно России в науке, в искусстве, в примере труда и в бережении культуры⁵⁵.

С одной стороны, в объявленной личной программе просматриваются отголоски еще недавних противоречий с революционерами «духа» – скифами⁵⁶, вопреки которым Европа (в частности, Германия) воспринималась Ремизовым вовсе не как угасающий, ветхий антипод молодости будущей России, а как универсум накопленных веками непреходящих ценностей, способных воспитать и цивилизовать стихию, которая бушевала теперь в его стране, грозя вырваться, как из ящика Пандоры, и обрушиться на Европу. С другой стороны, – Ремизов по-прежнему не мог представить себя вне России и не отказывался от строк своей поэмы «Огневица» («я – кость от кости, плоть от плоти матери нашей бесчастной Руси»⁵⁷). Это психологическое состояние было не столько ностальгическим, обусловленным тоской по прошлому, сколько экзистенциальным, связанным с чувством потери внутренних оснований личной жизни. Как он напишет много лет спустя, оценивая свое положение за границей: «В России у меня был вызов – всё принять; судьба ли меня согнет или я ее измором возьму. А тут была одна оборона. . .»⁵⁸

⁵⁵ Россия. 1923. № 6, февр. С. 25–26.

⁵⁶ Об идеологии литературной группы «Скифы» и их политических ориентациях см.: *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007. Об отношении Ремизова к идее «скифства» см.: *Мануэльян Э.* «Слово о гибели русской земли» А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева. СПб., 1994. С. 81–88; *Грачева А.М.* Скифство в интерпретации Алексея Ремизова (мистерия «Соломон и Китоврас») // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Сб. ст. по материалам конференции (Царское Село, 16–17 марта 1996 г.) / Ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб., 1996. С. 89–95; *Обатнина Е.* «Крылатый» или «Земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А.М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М., 2009. С. 484–495.

⁵⁷ Цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 157.

⁵⁸ *Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 322.

Ремизова-Довгелло по поводу возвращенческих настроений мужа объяснялась в письме, адресованном из Берлина З.Н. Гиппиус, с которой ее связывали давние дружеские отношения⁵⁹: «От этой фразы А[лексей] М[ихайлович] и не отказывается, он действительно думает, что не надо покидать России. Я теперь тоже так думаю, что надо в России жить; когда я была там, я думала иначе, но здесь я вижу, что там жизнь имеет во сто раз больше смысла, чем здесь. Я понимаю, напр[имер], с[оциалистов]-р[еволюционеров], они что-то свое партийное здесь делают, понимаю смысл их существования. Но нам, здесь ничего не делающим такого, чтобы одно могло оправдывать уезд оттуда. Я прямо говорю, что я жалею о том, что мы уехали. [...] здесь остается бесправное (мы, как иностранцы, не имеем права даже квартиры иметь, живем у хозяйки, вышли уже из того возраста, когда можно терпеть хозяйку) бесправное [sic!], скудное, бедное, бессмысленное существование. А там существование имеет смысл. Мы хотим вернуться в Россию, пользуясь тем, что уехали как беженцы под своей фамилией. Не знаю, когда еще это будет, но вернуться мы решили»⁶⁰. В своем «объяснении» Серафима Павловна бытовым языком пересказывала мысль Ремизова об ощущении утраты почвы, которое тяжело переживалось писателем. В очерке «Из огненной России (Памяти Блока)» он писал: «я теперь узнал за границей, что для русского писателя тут, пожалуй, еще тяжче, и писать невозможно, а просто нечего: ведь только в России и совершается что-то, а тут – для русского-то пустыня. Уйти временно в пустыню, конечно, для человека полезно, в молчании собрать мысли – ведь нигде, как в пустыне, зрение и чувства остры. – Гоголь уходил в римскую пустыню для “Мертвых душ”»⁶¹.

Гиппиус едва ли была способна сочувствовать такой позиции. Ее ответное письмо содержит совершенно непреклонный взгляд на историческую реальность и мнение большинства из ее эмигрантского окружения в Париже:

Скажу вам: невозможность работать для России, т[о] е[сть] для падения б[ольшевик]ов, так, как хотелось бы, во всю меру сил, – это здесь самое тяжелое. Такое тяжелое, что прямо выпивает жизнь. Но когда я спрашиваю себя, что могла я, и могла бы ли теперь, делать

⁵⁹ См. подробнее: *Обатнина Е.* Подруги: один эпизод из истории отношений З.Н. Гиппиус и С.П. Ремизовой-Довгелло // *От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сборник в честь профессора Халины Вашкелевич / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего.* Kraków, 2014. С. 251–262.

⁶⁰ Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941); п. от 18 февраля 1922 г. (в печати).

⁶¹ Цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 7: Ахру. М., 2002. С. 7.

в этом смысле в России – я должна по разуму ответить себе, что ничего не могла бы. Разница лишь в том, что лучше погнаться со всеми, чем погнаться здесь одиноко, – вот и всё. Я не чувствую за собой права раскаиваться, что уехала. Иначе это было бы так: «ах, я думала, мне там будет лучше; вижу, что мне здесь не лучше; ах, не надо было уезжать!» Нет, когда я с *большевицкой* Россией порывала – то знала, что это навсегда. Не на две стороны гадала: если б[ольшевик]и скоро свалятся – тем лучше; будут сидеть годы – вернусь к ним, окрепшим. Я такие вещи один раз решаю, и там уж будь что будет... – Всё это говорю, не думая о вас, моя родная: во-первых, потому, что ваше дело совсем иное, а во-вторых, потому, что мне все-таки кажется, что в *большевицкую* Россию вы не вернетесь, не придется. [...] Конечно, попроси мы прощения, нас бы простили. Но даже писать это мне противно. И сколько бы я здесь ни жила – каждым случаем буду пользоваться, чтобы пойти против них...⁶²

Последнее убеждение даже такого трезвого аналитика, как Гиппиус, в том, что вставшая у власти в Советах интеллигенция предпочтет интеллектуальную ценность контрреволюционеров их политическим «ошибкам», является дополнительным свидетельством иллюзорности представлений эмигрантской элиты о реалиях советской идеологии и в некотором смысле сближается с ремизовской надеждой на благородство «зверя». Возможно, такой самообман Гиппиус был следствием искаженных представлений, поскольку тягчайшие для творческой интеллигенции 1919–1921 гг. были известны только по письмам, а строительство новой идеологии осуществлялось многими, с кем общее оппозиционное отношение к существующему строю в России до Октябрьского переворота было лишено окраски классово-непримиримости. Так или иначе, письмо Гиппиус добавляет еще один обертон в диссонансное звучание голосов русской эмиграции, среди которых мнение о Ремизове было примерно таким, как высказала поэтесса в письме Серафиме Павловне от 1 февраля 1922 г.: «...Ал[ексей] Мих[айлович] – дитя, и я тоже верю, что он в душе не может с “ними” никогда примириться; [...] В конце концов – большевицкие передержки известны, и не так всё важно, но у меня сердце всё же болит, и чувствую горечь, что А[лексей] М[ихайлович] допустил их воспользоваться собою, они им, между прочим, тоже орудут в свою маленькую выгоду»⁶³.

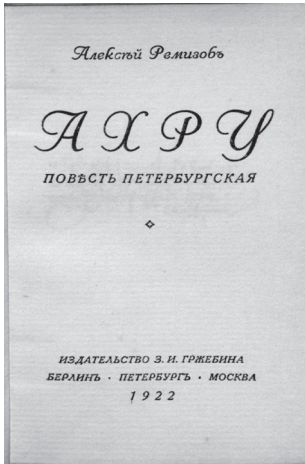
Ремизов в дискуссию с Гиппиус не вступал, предпочитая общаться с теми, кто не требовал от него политической присяги.

⁶² Письма З.Н. Гиппиус С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941); п. от 9 марта 1922 г. (в печати). Подчеркивания в тексте принадлежат Гиппиус.

⁶³ Там же.

Очевидно, не ответил он и на реакцию Д.В. Философова, который в конце декабря приветствовал Ремизова из Варшавы⁶⁴, но после выхода книги «Ахру. Память петербургская» не удержался от достаточно резкого суждения, подчеркивая свое категорическое отрицание ремизовского патриотизма. Озаглавив свою рецензию «Обезьяний язык», Философов констатировал: «К западной культуре Ремизов не подходит. Она ему мистически непонятна. И он хиреет, тянет его на родину, загаженную и заплыванную коммунистами. Тянет как раз в то время, когда оттуда высылают остатки интеллигенции, в том числе А. А[хматову]⁶⁵, о которой с такой любовью вспоминает Ремизов»⁶⁶. Старые друзья перестали понимать друг друга. Оказавшись в эмиграции по внешне сходным мотивам, они пришли к 1922 г. с разным опытом жизни первых пореволюционных лет⁶⁷.

Одна из первых ремизовских книг, вышедших в свет в берлинской эмиграции, – «огненная» книга «Ахру» хранила еще не остывшую память о недавнем прошлом, уходящей литературе («К звездам»), живые, не утратившие своего эмоционального накала свидетельства о рождении новой творческой энергии («Крюк»),

наконец, утопическую мечту о возможном человеческом братстве («Обезвельволпал», «Манифест»). Развивая вполне конкретные сюжеты, Ремизов создал метафорический образ России начала 1920-х гг. Над реальным планом повествования возникло метаисторическое пространство сверхсмысла, вбирающее даты, лица, поступки, события как частные проявления одного всеобъемлющего значения, в котором заключена сущность явлений бытия в целом. Пожалуй, именно в «Ахру» впервые так явно объективировалось новое, мифологическое направление творчества Ремизова.

Совсем небольшая по объему книжка положила начало огромному

⁶⁴ См.: Переписка А.М. Ремизова и Д.В. Философова / Вступ. статья, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 419–421.

⁶⁵ Подразумевается метафора из книги «Ахру» (очерк «Крюк»): «А.А. Ахматова, вербная ветка» (Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. М., 2002. С. 23).

⁶⁶ Ф[илософов Д.В.] Обезьяний язык // За Свободу! 1922. № 269, 1 окт. С. 2.

⁶⁷ Философов пересек российскую границу вместе с Мережковскими 14 декабря 1919 г. в надежде собрать на приграничных территориях Польши военные силы для свержения большевистской власти.

мифу о времени и о себе, которым стало всё последующее творчество писателя. В книжке, названной обезьяньим магическим словом «Ахру» (огонь), Ремизов предьявил как диаспоре, так и метрополии три опоры мировосприятия, оправдывающие его собственное существование: память о единомышленниках (очерк «К звездам», написанный на смерть Блока), надежда на новое поколение писателей (рассказ «Крюк») и идея братства вне политики (глава «Альберн» с манифестом Обезвельволпала).

З.И. Гржебин, приняв рукопись этой книги к производству в только что учрежденном в Берлине издательстве, обращался к Ремизову 18 февраля, не скрывая удивления от текста и под впечатлением от небывалой энергичности автора:

Дорогой Алексей Михайлович,

Скажите, что означает «АХРУ»?

У меня, конечно, имеются издания, в которых я ничего не понимаю, например, Астрономия Иванова, состоящая целиком из каких-[то] непонятных формул, но всё это книги – вне литературы.

Другой вопрос, который меня занимает, это размеры книги. На мой взгляд, там и листа не будет. Конечно, могут быть и такие книги, даже меньше, но неужели это Вас удовлетворяет?

Третий вопрос – обложки. Я хорошо понимаю, что белый цвет может казаться темным, вернее, слишком спокойным, вялым. Я могу Вам закатить такую оранжевую или зеленую обложку, под общий тон книжки – «память Петербургская»? И уже совсем не понятно: белый цвет вас раздражает, а набор на обложке, даже мастерский набор Вас устраивает. Одно из двух – либо крик, а Вы, по-видимому, хотите даже отчаянный крик, яркость, либо тишина, спокойствие – «память петербургская» (как это чувствую я).

Дальше. Вы знаете, что я всегда с удовольствием издаю Ваши сочинения, даже когда они не могут рассчитывать на огромный сбор; теперь же в условиях эмиграции, когда все тоскуют по русской книге, ваши книги должны вызвать большой интерес. Конечно, я с удовольствием принимаю ваше предложение – и если хотите, издам *моментально*. Вы сколько часов хотите, чтобы я издал вашу книгу? Если дадите ее мне до 4-х ч[асов] дня в воскресенье, в течение недели выпущу. Но так нельзя: хотите *своеобразно* издать книжку и думаете этого достигнуть письменными указаниями, сделанными наспех (по почерку, столь небрежному для вас, видна спешность!) Хотите я зайду к Вам или Вы м[ожет] б[ыть] зайдете ко мне в 4 ч[аса] вместе с материалом. [...]

Ваш З. Гржебин⁶⁸

⁶⁸ Amherst. Series 1. B. 1. F. 2. Pp. 10–11.

Для писателя «Ахру» стало первым книжным изданием, вышедшим в эмиграции. Экземпляр, адресованный С. П. Ремизовой-Довгелло, он надписал проникновенными словами: «А эта книга, как комок огненный, это первая память о России, это первые наши дни здесь покинутые, безучастные, никогда так черство не относились к нам, как здесь нас встретили, я теперь это понимаю хорошо. И я не знаю, за что это было. И вот это – в этой книге – тут мало, но много от дум первых за Россией»⁶⁹.

Внутреннее самоощущение бесперспективности личной жизни в эмиграции, которое не покидало Ремизова, не имело каких-либо депрессивных внешних проявлений. В течение первых полутора лет пребывания в Берлине (с осени 1921 по конец 1922 г.) Ремизов стал ключевой фигурой практически всех основных литературных и общественных событий, составивших ситуативный континуум русской диаспоры. Он и Серафима Павловна вошли в Совет берлинского Дома искусств (организационное собрание состоялось 29 ноября), при этом Ремизов был избран на руководящую должность «товарища председателя» – Н.М. Минского. Более того, Ремизов становится редактором собственного раздела в печатном органе новой русской институции – «Бюллетенях берлинского Дома искусств»⁷⁰. Не остался писатель в стороне и от учрежденного 5 декабря берлинского отделения «Вольной Философской Ассоциации», вместе с Серафимой Павловной он был членом Совета Вольфилы.

Вместе с тем именно на почве деятельности этих «дублеров» петроградских институций с необычайным размахом расцвел талант Ремизова как хроникера симулякров русской жизни, разворачивающейся в пределах берлинской диаспоры⁷¹. Апофеозом ремизовской

летописи псевдодеятельности русской диаспоры стала серия анонимных заметок о заседаниях мифического общества Цворфизон,

⁶⁹ Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 23.

⁷⁰ *Beyer T.R.* Бюллетени Дома Искусств (Берлин) // *Rossica*. 1997. № 1. С. 97–103.

⁷¹ Подробнее см.: *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофарского // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zaleski*. Stanford, 1999. Vol. 20. P. 145–176.

пародирующего работу берлинской Вольной философской ассоциации⁷². Притом если рассматривать эти ремизовские «проказы»⁷³ как неотъемлемую часть творчества берлинского периода, то нельзя не заметить, что именно они демонстрируют резкий спад той патетической амплитуды, которая еще недавно отражала накал сильнейших переживаний, связанных с другим континуумом – реалиями подлинной русской жизни 1917–1921 гг. Энергией этого творческого подъема, вызванного октябрьским переворотом, были наполнены и первые произведения, написанные в Берлине. К ним прежде всего относятся два очерка из книги «Ахру»: воспоминания Ремизова об Александре Блоке «К звездам», этот шедевр мистической прозы, и очерк «Крюк. Память петербургская»⁷⁴, пронизанный надеждами на становление нового поколения литераторов. Практически одновременно с этими произведениями были написаны анонимные заметки, освещающие события берлинской жизни и контрастирующие с русской темой именно своей искусственностью и даже комичностью. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов проблему гонораров, позволявших писателю худо-бедно обустроиться на пустом месте, в чужой стране, оказавшись практически без средств к существованию. Однако очевидно, что в берлинском локусе для Ремизова происходит изменение масштаба событий.

Характерно и то, что писатель не примкнул ни к одному из эмигрантских политических, равно как и литературных движений. Остался он вне сменовеховства⁷⁵, не примкнул и к радикально настроенным борцам с большевизмом. В силу этой «вненаходимости» он оказался под подозрением в каждом из противоборствующих лагерей. Если отношение к Ремизову в кругу З.Н. Гиппиус нами раскрыто на примере писем поэтессы к жене писателя, то эволюцию взаимоотношений с основателями журнала «Сполохи» и литературного объединения «Веретено» мы можем проследить отчасти благодаря ремизовским упоминаниям о встречах с ними в письмах, а также по отражениям на страницах журнала «Сполохи» и «Веретеньш». А. Дроздов и Г. Алексеев (автор первого литературного портрета Ремизова в Берлине) претендовали на некое третье – противоположное радикальной и в то же время отличное от позиции,

⁷² См. авторскую подборку печатных заметок под заглавием «Цвофирзон» в составе книги «Мерлог»: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 14: Звезда надзвездная. СПб., 2018. С. 226–233; см. также: *Обатнина Е.Р., Белоус В.Г.* Берлинская Вольфила (1921–1922): Хроника // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 141–155.

⁷³ *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций... С. 167.

⁷⁴ Впервые: Новая русская книга. 1922. № 1. С. 6–10.

⁷⁵ См. коммент. к ситуации с А. Толстым, п. от 21 мая 1922 г. – с. 56, 76 наст. публ. (примеч. 69, 70).

декларируемой сменовеховской газетой «Накануне», – самостоятельное направление, утверждая в своих печатных изданиях единый литературный континуум для эмиграции и советской России. Такова была идея «содружества», получившего название «Веретено», на участие в литературно-художественных мероприятиях которого Ремизов согласился в мае 1922 г., в одну из первых встреч с организаторами. Однако его статус в содружестве с мая по ноябрь 1922 г. изменился кардинальным образом – от активного участника до «гостя», что, скорее всего, было связано с дистанцированием писателя от деятельности «Веретена», произошедшим вследствие протеста некоторых членов (А. Амфитеатрова, И. Бунина, И. Лукаша, В. Набокова) против участия в объединении А. Толстого как выразителя сменовеховской идеологии. Очевидно, Ремизов предпочел независимую позицию, вне группировок и организаций. Так, в «Хронике “Веретена”», опубликованной в первом и втором номерах сатирического журнала «Веретеныш», творческая деятельность писателя еще прямо соотносилась с деятельностью содружества. Здесь даже стали появляться не соответствовавшие реальности оповещения о поездках и творческой деятельности писателя, например: «А.М. Ремизов уехал из Берлина в деревню. Работает над новым рассказом для “Веретена”»⁷⁶, или: «Писатели Алексей Ремизов и Глеб Алексеев уезжают в ближайшее время в Прагу и Ужгород, где выступят с чтением своих произведений»⁷⁷. Однако уже в третьем номере журнала в заметке «Вечера “Веретено”» сообщалось, что на предстоящих вечерах 12 и 28 ноября, «помимо писателей, *входящих в содружество* [...], выступят *в качестве гостей* [курсив мой. – Е.О.] писатели Вл. Лидин и Ал. Ремизов». Кроме того, в том же третьем номере «Веретеныша» появились публикации, задевающие творческое кредо и внешний облик писателя. В одной из них высмеивалась стилистика и словотворчество Ремизова наряду с Андреем Белым и Б. Пильняком, и все эти писатели были зачислены автором в разряд «не читаемых»⁷⁸. Другая статья, под названием «Внезапности. Опыт моментальной фотографии без натуры», представляла собой монтаж шаржей Вл. Белкина и характеристик, данных автором, подписавшимся *Зеленый*. Здесь Ремизов, изображенный в прямом сходстве с обезьяной, был представлен в иронически жалком образе: «Человека и не видать, а только пыль мохнатенькая и паутина. И в паутине мышонок – но что-то возится и пискает. Однако же у мышки круглая

⁷⁶ Веретеныш. 1922. № 1. С. 16

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Бухов Арк. Экзамен по русскому языку // Веретеныш. 1922. № 3. С. 7

плешка на макушке видна, и круглые очки как у старенького книгожы, торгующего антикварным товаром под башней Сухаревой»⁷⁹. Эта комическая рефлексия образа Ремизова до известной степени показывала, что организаторы «Веретена» не смогли найти в нем опору для продвижения своих политических взглядов. Ремизов держал устойчивый политический нейтралитет, отстаивая лишь право на сохранение этических и моральных ценностей во взаимоотношениях с эмигрантским кругом. На страницах «Русской книги», переименованной в «Новую русскую книгу» в наступившем 1922 г., впервые получает печатную легитимацию мифология уже известного в литературных кругах ремизовского литературного фантома «Обезьянья Великая и Вольная палата». Почетные звания и титулы кавалеров Обезвельволпала вскоре становятся привычной атрибутикой ремизовских текстов, посвященных литературной жизни как в России, так и в Берлине. Ремизовская игра настолько вошла в обиход частной жизни, что Яценко подписывал свои личные письма, адресованные писателю, не иначе как «Кавалер обезьяньего знака I ст[епени]»⁸⁰.

Между тем ситуация на книжном рынке для Ремизова складывалась весьма благоприятно. В течение первого года эмиграции он выпустил 16 книг, включая напечатанную на тканом свитке сказку «Горе злосчастное» в оформлении художника А. Смирнова. Публикации отдельных произведений писателя появлялись в толстых журналах и литературно-художественных альманахах русского зарубежья, таких как «Эпоха» (Берлин), «Сполохи», «Современные записки» (Париж), «Воля России» (Прага). Другое дело, что этот коммерческий, как можно было бы предположить, успех не поспевал за растущей инфляцией, и материальное положение Ремизовых оставалось неустойчивым. Писатель изо всех сил старался использовать временное, как ему хотелось думать, пребывание за границей для поправления здоровья Серафимы Павловны, направляя практически все свободные средства на курортные лечебницы для нее.

По-прежнему, как и в дореволюционный период, германские издательства планировали выпуск книг писателя на немецком языке. Снова в его окружении появляются уже знакомые по 1910-м гг.

⁷⁹ *Зеленый*. Внезапности. Опыт моментальной фотографии без природы // Там же. С. 15.

⁸⁰ В частности, таким образом подписана была присланная Ремизову «памятка» с перечнем ожидаемых публикаций в журнале, в том числе Письма в защиту Гржебина и статей о Н. Гумилеве и С. Городецком (Amherst. Series 1. В 1. F. 1. P. 75). См. также публикацию писем Ремизова к Яценко (1921–1923): *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris, [1983]. С. 165–175.

имена переводчиков Ф. Фриш и Й. Шапиро, Г. Ган⁸¹, дружеская поддержка которых оказывается немаловажной в новых условиях.

В 1922 г. Ремизов продолжает работать над главами «Временника», начатого публикациями в журнале «Народоправство» в 1917 г., с которым, кстати, тогда же сотрудничал А.С. Яценко. Пережитое в революционном Петрограде вызвало у писателя чувство сопричастности общей судьбе, которая буквально не отпускала его. Еще в «Ахру» он вспоминал слова Блока: «В таком гнете невозможно писать»⁸². Единственный путь к сохранению морального права на творчество он видел в том, чтобы подняться над человеческим страхом перед стихией и принять ее неотвратимость. Миссия летописца, сопричастного своему времени, созревала в сознании писателя: «Ведь, чтобы сказать что-то, написать, надо со всем железом духа и сердца принять этот “гнет” – Россию, такую Россию, какая она есть сейчас всю до кости, русскую жизнь, метущуюся из комнаты в комнату, от дверей к дверям, от ворот до ворот, с улицы на улицу, русскую жизнь со всем дубоножием, шкурой, потрохом, орлом и матом, Россию с великим желанным сердцем и безусловной свободной простотой, Россию – ее единственную огневую жажду воли»⁸³. В письме историку литературы и библиографу В.Н. Тукалевскому от 16 февраля 1922 г. Ремизов описал мотивы своей, как ему думалось, эмигрантской передышки и свое положение в эмигрантском мире:

Нет, все-таки я никогда бы не уехал из России, если бы не беда:
 последнюю зиму от малокровия и утомления головой маялся – света
 не видел. Или погибать, или временно уехать
 – Понемногу оправляюсь,
 а как укреплюсь, назад в Россию. Хочется мне не с пустыми ру-
 ками домой вернуться и поучиться – есть чему поучиться,
 и написать – четыре года смотрел, жил стотысячной жизнью,
 и конечно, оторвавшись, легче видеть
 яснее вижу
 мало тут я видел чего, жалко – такое чувство
 это я про русских
 а что успел увидеть
 а так мы отдельно – душой к России
 за эмигранта не считаю себя⁸⁴.

⁸¹ О немецких переводчиках Ремизова в эмиграции см.: *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Stanford 2014. Part I. Pp. 325–338 (*Stanford Slavic Studies*, vol. 45).

⁸² Цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 7.

⁸³ Там же. С. 15.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 577. Оп. 1. № 697. Л. 14. Сохранены особенности авторской графики.

Приступы глубокого одиночества среди русских эмигрантов, переживаемые Ремизовым, были до такой степени острыми, что даже прорывались в коротких пометах, которые писатель сохранил в своих альбомах. 13 апреля, в Великий Четверг он записал: «13 IV в untergrund'e встреча с счастливейшим человеком. В суб[боту] 15-го едет в Россию»⁸⁵. Таких было немало. В окружении Ремизовых оказались литераторы, занесенные в эмиграцию совершенно разными путями и искавшие «обратной» дороги. Таким был и Соколов-Микитов, и художник Пинегин, и поэты-«парижане» Парнах и Талов, и писатели, близкие сменовеховству – А. Толстой, А. Дроздов и Г. Алексеев. Все они в течение 1922–1923 гг. вернулись в Россию. Насколько их решение было инспирировано влиянием сменовеховской пропаганды, мы не беремся судить, поскольку в своем большинстве эти представители русской литературы имели разного свойства романтические иллюзии о новой России. В частности, поэт-«парнасец» Марк-Людвик Талов оказался во Франции в канун Первой мировой войны и, вкусив все прелести богемной жизни, рвался вернуться на родину, очевидно, надеясь найти творческую реализацию и достойное поэта и переводчика место в новом обществе. Личное знакомство Талова с Ремизовым предварялось небольшой перепиской. Первое письмо, которое поэт направил в Берлин из Парижа 14 февраля 1922 г., раскрывало основной мотив поиска контакта с писателем, недавно приехавшим из России:

Позвольте же мне обратиться к Вам за помощью. Если Вы можете что-нибудь сделать для меня, добиться визы для меня, моей благодарности не будет предела. Я к Вам обращаюсь так просто, потому что я вас очень люблю. Боже мой, что мне делать? Я хочу, хочу в Россию. Хочу поехать к своей *Невесте*. Помогите, ради Бога, мне, извините, что так пишу⁸⁶.

В августе 1922 года мечта поэта сбылась: он вернулся в Москву при поддержке Ремизова, который помог поэту связаться с М. Горьким⁸⁷, а также с заведующим Петроградским отделением Госиздата И.И. Ионовым⁸⁸.

⁸⁵ Записка сохранена среди писем конволюта «1922. I–VII» (Amherst. Series 1. Series 1. B. 1. F. 5). Untergrund – берлинское метро.

⁸⁶ Amherst. Series 1. B. 1. F. 3. P. 191.

⁸⁷ См. письма Горького с ходатайством о возвращении Талова в Россию, адресованные в советское представительство в Берлине: *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы / Сост. и коммент. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой; Предисл. Р. Герра. М., 2006. С. 64.

⁸⁸ Сохранилось письмо М.-Л. Талова И.И. Ионову от 12 июня 1922 г. (ИРЛИ. Р. I. Оп. 11. № 103).

В июле 1922 г. Ремизовы отправились в первую совместную поездку по Германии. Отдых и увлекательное путешествие по Верхней Баварии спланировала для них Фега Фриш, занимавшаяся не только переводами писателя на немецкий язык, но и его бытовой адаптацией в германской среде. Искренне заботясь о создании творческого комфорта для Ремизова, в письме от 5 июня она расписала все возможные затраты супругов и маршруты их радиальных поездок, пригласив погостить в своем домике, расположенном в деревне Breitbrunn на озере Ammersee (Breitbrunn am Ammersee): «...я бы предложила следующую комбинацию. Серафиме Павловне необходимо полечиться, Вы же в санаторию не хотите. Вам может хорошо понравиться на свежем воздухе, на молоке и яйцах и т.п. Поэтому я бы наняла для Серафимы Павловны в санатории комнату, а Вам предлагаю приехать к нам в Breitbrunn, это очень скромная деревушка на берегу большого прелестного озера. 1 ½ часа от Мюнхена[:] дешево, тихо и хорошо. Там же живут и мои приятели: Михаэль Бауэр и Маргарета Маргенштерн, есть, значит, и книги, и очень интересные люди. Потом мы бы вместе по окончании лечения Сер[афимы] Павловны поехали бы еще и в горы. [...] Мы за Вами очень будем ухаживать, потолстеете, отдохнете, а главное, сумеете работать»⁸⁹. Июльский вояж оставил в памяти Ремизовых самые яркие впечатления. По возвращении в Берлин Серафима Павловна упомянула об этом в кратком рассказе, адресованном З.Н. Гиппиус: «Мы на 3 недели уезжали в Баварию, там очень хорошо, горы, были в Oberbayern'e, там изумительно – люди очень религиозные и добрые, дольше нельзя было остаться, обратно ехали в 4-м классе, денег не хватило, а туда ехали 2-м»⁹⁰. Для Ремизова поездка по Верхней Баварии открыла пути к творческому освоению немецкой мифологии. Отчасти проводником в эту заповедную область истории Германии для Ремизова стал Александр Самойлович Элиасберг, имя которого было хорошо известно писателю начиная со второй половины 1900-х годов по петербургским литературным связям. Их творческие отношения начались в 1917 г., когда благодаря переводчику в Веймаре вышел в свет сборник рассказов Ремизова на немецком языке. Путевой дневник этого лета вскоре будет вписан в сюжетную канву повести «По карнизам» (1929), работа над которой началась в 1924 г. Конечным пунктом путешествия Ремизовых по югу Германии стал Мюнхен, где с 31 июля по 2 августа они остановились в гостях у Элиасберга и его жены – художницы Зинаиды Николаевны Васильевой-Элиасберг, с этого времени став-

⁸⁹ Amherst. В. 1 F. 5.

⁹⁰ Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову... (в печати).

шей многолетней корреспонденткой Серафимы Павловны. Повесть «По карнизам» станет первым произведением Ремизова, в котором писатель отойдет от древнерусской мифологической почвы и обратится к западноевропейским источникам. Возможно, скорбным поводом к началу работы над книгой, освещенной памятью о баварском путешествии, стало известие о смерти переводчика, наступившей 27 июля 1924 г. – практически два года спустя после путешествия на гору Andechs в бенедиктинский монастырь, в стенах которого родилась легенда о «святой» мыши, пересказанная Ремизовым в повести «По карнизам»⁹¹. Не случайно в черновом варианте первой главы, в рассказе «О мышке», связывая личную мифологию с легендарными мотивами баварского локуса, Ремизов написал: «А вспомнил я о святой мышке и потому, что заговорил о своей – сторожила меня семь вечеров! – и еще потому, что на святую гору Андекс взбирался с нами А.С. Элиасберг и трудно ему было: больное сердце. И вот слышу, его уж нет на белом свете: больше сердце не выдержало грешной земли»⁹².

Два года, проведенные Ремизовым в Германии (с 21 сентября 1921 г. до переезда в Париж 5 ноября 1923 г.), прошли в интенсивной переписке с литераторами, издателями, учеными, друзьями, оставшимися в России. За этот краткий срок писатель приобрел и новые знакомства с посещавшими Берлин представителями творческой интеллигенции Москвы и Петрограда⁹³. До 1924 г. включительно Ремизов, несмотря на сложную систему взаимоотношений внутри русской диаспоры, был настроен на активное сотрудничество с советскими печатными органами («Красная Новь», «Россия») и с представителями частных или кооперативных издательств («Алконост», «Круг»). Несомненно, эпистолярные контакты писателя были весьма осторожными и определялись официальной установкой конкретных органов печати, ориентированных как на сотрудничество с писателями старой, дореволюционной формации, так и на поддержку и продвижение внепартийной талантливой молодежи⁹⁴.

Вместе с тем растущая инфляция безжалостно вытесняла из Берлина не только русские издательства, но и русских эмигрантов. Еще в декабре 1922 г. из-за незаконных валютных операций префектура

⁹¹ Подробнее см. в нашем комментарии к повести «По карнизам» (Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 11: 3га. СПб., 2011. С. 756).

⁹² РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 5.

⁹³ В частности, в Берлине Ремизов познакомился с А.Я. Аросевым: в недавнем прошлом комиссар, он некоторое время состоял на дипломатической работе, а с 1922 г. наравне с А.К. Воронским возглавил журнал «Красная новь».

⁹⁴ Подробнее об этом в статье: Обатнина Е.Р. «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова (в печати).

Берлина приняла решение о тотальном выселении граждан иностранного происхождения. Ремизов в письме от 8 декабря жаловался С. Я. Осипову: «У нас большая беда: вот уж месяц, как нас выгнали с квартиры, ищем, не можем найти. (Все гонятся за валютчиками)»⁹⁵. В результате ходатайств Т. Манна и немецкого политического деятеля В. Хайне писателю удалось получить разрешение на проживание в Германии сроком до 31 декабря 1923 г.⁹⁶

Литература

Богомолов Н.А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной; Интрада, 2009. 288 с.

«В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 218–265.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.

Грачева А.М. Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху второй русской революции // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 5: Взвихрённая Русь. М.: Русская книга, 2000. С. 589–604.

Грачева А.М. Скифство в интерпретации Алексея Ремизова (мистерия «Солмон и Китоврас») // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Сб. статей по материалам конференции «Иванов-Разумник (1878–1946). Личность. Творчество. Роль в культуре» (Царское Село, 16–17 марта 1996 г.) / Ред.-сост. В.Г. Белов. СПб.: Глаголь, 1996. С. 89–95.

Д’Амелия А. Неизданная книга «Мерлог»: время в изобразительном и словесном творчестве А.М. Ремизова // Alexej Remizov. Approaches to a Protean

⁹⁵ Цит. по: «В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 253. История о том, как Ремизова «выслали из Берлина за “спекуляцию”» и о помощи в этом деле Т. Манна, запечатлена в романе «Мышкина дудочка», см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 138–140.

⁹⁶ См.: Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 3. С. 112, 118 (п. от 8 апреля и 30 мая 1923 г.).

Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987]. P. 141–166. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).

Доценко С. Н. А.М. Ремизов в Эстонии: Начало эмиграции // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике: Альм. Таллин: Авенариус, 1996. Т. 2. С. 171–194.

Е.Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А.М. Ремизову (1910–1918) / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 314–367.

Жихарева К.М. Десять лет // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1987. С. 106–116.

Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского // Литературное наследство. Т. 82: А.В. Луначарский: Неизданные материалы. М.: Наука, 1970. С. 603–619.

Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007. 328 с.

Мануэльян Э. «Слово о гибели русской земли» А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 81–88.

Милютина Т.П. Люди моей жизни / Предисл. С. Г. Исакова. Тарту: Крипта, 1997. 415 с.

На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Публ. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1985. № IV. P. 149–190.

На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Публ. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1987. № VI. P. 237–310.

На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Публ. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1990. № IX. P. 443–498.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // *Русская литература*. 2014. № 1. С. 149–178.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // *Русская литература*. 2014. № 3. С. 142–184.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // *Русская литература*. 2015. № 3. С. 153–203.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (окончание) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // *Русская литература*. 2016. № 2. С. 162–211.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год / Вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста А.С. Урюпиной // *Русская литература*. 2017. № 2. С. 56–94.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год / Вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // *Русская литература*. 2018. № 1. С. 163–209.

Обатнина Е. А.М. Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна...» // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 142–153.

Обатнина Е. Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е. Обатнина. СПб.: Наука, 2011. С. 231–319. (сер. Лит. памятники).

Обатнина Е. Е. Лундберг versus И. Гессен: малоизвестные подробности несостоявшегося третейского суда // Зарубежная Россия. 1917–1939. Сб. статей. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 271–276.

Обатнина Е. История одной сожженной книги // Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция / Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 158–168.

Обатнина Е. «Крылатый» или «Земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А.М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 484–495.

Обатнина Е. Подруги: один эпизод из истории отношений З.Н. Гиппиус и С.П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сб. в честь профессора Халины Ваткевич / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków, 2014. С. 251–262.

Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

Переписка А.М. Ремизова и Д.В. Философова / Вступ. статья, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 366–422.

Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского (продолжение) // Русская литература. 1993. № 3. С. 112–121.

Поляков Ф. Алексей Ремизов и переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Stanford, 2014. Part I. P. 325–338. (Stanford Slavic Studies, vol. 45).

Ремизов А. Дневник 1917–1921 / Подгот. текста А.М. Грачевой и Е.Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А.М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. 16. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 407–549.

Ремизов А.М. Письма к А.С. Яценко // Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, [1983]. С. 165–175.

Росов В.А. Георгий Гребенщиков: Письма из Ля Фавьера // Алтайский текст в русской культуре. Материалы четвертой межрегиональной (с международным участием) научной конференции, 4–5 мая 2008 г. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. С. 169–185.

Субботин С. И. К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газет» // Русская литература. 1992. № 1. С. 205–215.

Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto: Водолей Publishers, 2005. 784 с.

Флейшман Л. Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2016. Vol. 4. P. 42–75.

Флейшман Л. В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Stanford, 1999. Vol. 20. P. 145–176.

Beyer T.R. Бюллетени Дома Искусств (Берлин) // *Rossica*. 1997. № 1. С. 97–103.

Lampl H. Political Satire of Remizov and Zamiatin on the Pages of “Prostaja gazeta” // Alexej Remizov. *Approaches to a Protean Writer* / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987]. P. 245–259. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).

References

Beyer T.R. Biulleteni Doma Iskusstv (Berlin) [Art Center Bulletins (Berlin)]. *Rossica*, 1997, no. 1, pp. 97–103. (In Russ.)

Bogomolov N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: dokumental'nye khroniki* [Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: documentary chronicles]. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2009. 288 p. (In Russ.)

D'Amelia A. Neizdannaiia kniga «Merlog»: vremia v izobrazitel'nom i slovesnom tvorchestve A.M. Remizova [The unpublished book “Merlog”: time in A.M. Remizov's graphic and literary works]. *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer*, ed. by G. Slobin. Columbus, [1987], pp. 141–166. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16). (In Russ.)

Dotsenko S.N. A.M. Remizov v Estonii: Nachalo emigratsii [A.M. Remizov in Estonia: The beginning of emigration]. *Baltiiskii arkhiv. Russkaia kul'tura v Pribaltike: Al'm.* [The Baltic Archive. Russian culture in the Baltics: Alm.]. Tallinn: Avenarius Publ., 1996. Vol. 2, pp. 171–194. (In Russ.)

E.G. Lundberg: I. Avtobiografiia (1913). II. Pis'ma k A.M. Remizovu (1910–1918) [E.G. Lundberg. I. Autobiography (1913). II. Letters to A.M. Remizov], intro., publ. and comment. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 god* [с. 41, абзац 5 снизу, ст. 2 снизу, в пустых квадратных скобках должно быть: Pushkin House Manuscript Department Annual for 2000]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 314–367. (In Russ.)

Fleishman L. Begstvo v Estoniiu. Remizov i revel'skoe izdatel'stvo “Bibliofil” [Flight to Estonia. Remizov and Revel publishing house “Bibliofil”]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 2016, vol. 4, pp. 42–75. (In Russ.)

Fleishman L. V krugu remizovskikh mistifikatsii: «Konkлав» Sarkofagskogo [Among Remizov's mystifications: Sarcophagsky's “Conclave”]. *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Stanford, 1999, vol. 20, pp. 145–176. (In Russ.)

Gracheva A.M. Mezhdz Sviatoi Rus'iu i Sovetskoii Rossiei: Aleksei Remizov v epokhu vtoroi russkoi revoliutsii [Between Holy Russia and Soviet Russia: Alexei Remizov during the second Russian revolution period]. *Remizov A.M. Sobranie sochinenii. T. 5: Vzvikhrennaia Rus'* [Collected Works. Vol. 5: Russia Swirled Up]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000, pp. 589–604. (In Russ.)

Gracheva A.M. Skifstvo v interpretatsii Alekseia Remizova (misteriia «Solomon i Kitovras») [Scythianism in Alexei Remizov's interpretation (“Solomon and Kitovras” mystery play)]. *Ivanov-Razumnik: Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture: Sb. statei*

po materialam konferentsii "Ivanov-Razumnik (1878–1946). Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture" (Tsarskoe Selo, 16–17 marta 1996 g.) [Ivanov-Razumnik: Personality. Creative work. Role in culture. Collection of articles following the conference "Ivanov-Razumnik (1878–1946). Personality. Creative work. Role in culture" (Tsarskoe Selo, March 16–17, 1996)], ed.-comp. V.G. Belous. St. Petersburg, Glagol Publ., 1996, pp. 89–95. (In Russ.)

Kokhno I.P. Vologodskaiia ssylka Lunacharskogo [Lunacharsky's Vologda exile]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 82: A.V. Lunacharskii: Neizdannye materialy* [Literary heritage. Vol. 82: A.V. Lunacharsky. Inedita]. Moscow, Nauka Publ, 1970, pp. 603–619. (In Russ.)

Lampl H. Political Satire of Remizov and Zamjatin on the Pages of "Prostaja gazeta". *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer*, ed. by G. Slobin. Columbus, [1987], pp. 245–259. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).

Leont'ev Ia.V. "Skify" russkoi revoliutsii: Partiia levyykh eserov i ee literaturnye poputchiki [The "Scythians" of the Russian revolution: The Party of Left Socialist-Revolutionaries and its literary companions]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2007. 328 p. (In Russ.)

Manuel'ian E. "Slovo o pogibeli russkoi zemli" A. Remizova i ideologiya skifstva R. Ivanova-Razumnika ["The Tale of destruction of the Russian land" by A. Remizov and R. Ivanov-Razumnik's ideology of the Scythianism]. *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy* [Aleksey Remizov: Studies and Materials], publ. ed. A.M. Gracheva. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1994, pp. 81–88. (In Russ.)

Miliutina T.P. *Liudi moei zhizni* [People of my life], preface by S.G. Isakov. Tartu: Kripta Publ, 1997. 415 p. (In Russ.)

Na vechernei zare. Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello], publ. by A. d'Amelia. *Europa Orientalis*, 1985, no. IV, pp. 149–190. (In Russ.)

Na vechernei zare. Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello], publ. by A. d'Amelia. *Europa Orientalis*, 1987, no. VI, pp. 237–310. (In Russ.)

Na vechernei zare. Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello], publ. by A. d'Amelia. *Europa Orientalis*, 1990, no. IX, pp. 443–498. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1907 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1907], intro., ed. i comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2014, no. 1, pp. 149–178. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1908 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1908], intro., ed. i comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2014, no. 3, pp. 142–184. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1909 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1909], intro., ed. i comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2015, no. 3, pp. 153–203. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1909 god (okonchanie) [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-

Dovgello: 1909 (conclusion)], intro., ed. i comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2016, no. 2, pp. 162–211. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1910 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1910], intro. and comment. by E.R. Obatnina; ed. by A.S. Uriupina. *Russkaia literatura*, 2017, no. 2, pp. 56–94. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1911 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1911], intro. and comment. by E.R. Obatnina; ed. by E.R. Obatnina and A.S. Uriupina. *Russkaia literatura*, 2018, no. 1, pp. 163–209. (In Russ.)

Obatnina E. “Krylatyi” ili “Zemlianoi”? (K istorii tvorcheskikh vzaimootnoshenii A.M. Remizova i «skifov») [“Winged” or “Earthy”? (On the history of creative relationships between A.M. Remizov and the “Scythians”)]. *Na rubezhe dvykh stoletii: Sb. v chest' 60-letia A.V. Lavrova* [On the cusp of two centuries: A collection in honor of A.V. Lavrov's 60th anniversary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 484–495. (In Russ.)

Obatnina E. A.M. Remizov. «Voniuchaia torzhestvuiushchaia obez'iana...» [A.M. Remizov “A stinking triumphant monkey...”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, no. 11, pp. 142–153. (In Russ.)

Obatnina E. E. Lundberg versus I. Gessen: maloizvestnye podrobnosti nesostoiavshegosia treteiskogo suda [E. Lundberg versus I. Gessen: little-known details of the failed arbitration proceedings]. *Zarubezhnaia Rossiia. 1917–1939*. Sb. statei. Kn. 2 [Russia abroad. 1917–1939. Collection of articles. Part 2]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2003, pp. 271–276. (In Russ.)

Obatnina E. Istoriia odnoi sozhzhennoi knigi [The history of a burned book]. *Russkii Berlin: 1920–1945: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Russian Berlin: 1920–1945: International academic conference], comp. by M.A. Vasilieva, L.S. Fleishman. Moscow, Russkii put' Publ., 2006, pp. 158–168. (In Russ.)

Obatnina E. Podrugi: odin epizod iz istorii otnoshenii Z.N. Gippius i S.P. Remizovoi-Dovgello [Girlfriends: an episode from the history of relationships between Z.N. Gippius and S.P. Remizova-Dovgello]. *Ot modernizma k postmodernizmu. Russkaia literatura XX–XXI vekov. Sb. v chest' professora Khaliny Vashkelevich* [From modernism to postmodernism. Russian literature of the XX–XXI centuries. A collection in honor of professor Halina Waszkielewicz], ed. by A. Skotnitskaia i Y. Svezhii. Kraków, 2014, pp. 251–262. (In Russ.)

Obatnina E. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

Obatnina E. Variatsii pamiati (Tvorcheskaia istoriia “Kukkhii” i drugikh memuarykh svidetel'stv Remizova o Rozanove) [Variations of memory (Creative history of “Kukkhii” and other Remizov's memorial records about Rozanov)]. *Remizov A.M. Kukkhia. Rozanovy pis'ma* [Kukkhia. Rozanov's letters], ed. by E. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 231–319. (In Russ.)

Perepiska A.M. Remizova i D.V. Filosofova, Vstup. stat'ia [A.M. Remizov's correspondence with D.V. Filosofov], publ. i comment. by E.R. Obatnina. *Ezhagodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2002 god* [Pushkin House Manuscript

Department annual for 2002]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 366–422. (In Russ.)

Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym (prodolzhenie) [L.I. Shestov's correspondence with A.M. Remizov (continuation)], intro., ed. and comment. by I.F. Danilova i A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, 1993, no. 3, pp. 112–121. (In Russ.)

Poliakov F. Aleksei Remizov i perevodchiki v Germanii: Arkhivnye materialy (I) [Alexey Remizov and translators in Germany: Archival materials (I)]. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Stanford, 2014. Part I, pp. 325–338. (Stanford Slavic Studies; vol. 45). (In Russ.)

Remizov A. Dnevnik 1917–1921 [Diary 1917–1921], ed. by A.M. Gracheva and E.D. Reznikova, intro. and comment. by A.M. Gracheva. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. 16* [Bygone: A historical almanac. 16]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 407–549. (In Russ.)

Remizov A.M. Pis'ma k A.S. Iashchenko [Letters to A.S. Yashchenko]. *Fleishman L., Hughes R., Raevsky-Hughes O. Russkii Berlin, 1921–1923: Po materialam arkhiva B.I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute* [Russian Berlin, 1921–1923: Based on B.I. Nikolaevsky collection in Hoover Institution Archives]. Paris, YMCA-Press, [1983], pp. 165–175. (In Russ.)

Rosov V.A. Georgii Grebenshchikov: Pis'ma iz Lia Fav'era [Georgii Grebenshchikov: Letters from La Faviere]. *Altaiiskii tekst v russkoi kul'ture. Materialy chetvertoi mezhhregional'noi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii, 4–5 maia 2008 g. Vyp. 4* [Altai text in Russian culture. Materials of the 4th interregional (with international participation) academic conference, May 4–5, 2008. Part 4]. Barnaul: Altai St. Univ. Publ., 2008, pp. 169–185. (In Russ.)

Subbotin S.I. K atributsii psevdonimnykh sochinenii iz “Prostoi gazety” [On the attribution of pseudonymous writings from “Prostaia Gazeta”]. *Russkaia literatura*, 1992, no. 1, pp. 205–215. (In Russ.)

Timenchik R. *Anna Akhmatova v 1960-e gody* [Anna Akhmatova in 1960s]. Moscow Toronto, Vodolei Publishers, 2005. 784 p. (In Russ.)

“V Rossii, kak vstretimsia, budem vspominat’”. I. Perepiska A.M. Remizova s S.Ia. Osipovym (1913–1923). II. Pis'mo V.Ia. Shishkova k A.M. Remizovu (1921) [“In Russia, as we meet, we will remember”. I. A.M. Remizov's correspondence with S.Y. Osipov (1913–1923). II. V.Y. Shishkov's letter to A.M. Remizov (1921)], publ., intro. and comment. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god* [Pushkin House Manuscript Department annual for 2001]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 218–265. (In Russ.)

Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 [The power and the artistic intelligentsia. Documents of RKP (b) – VKP (b) Central Committee and VChK – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953], ed. by acad. A.N. Yakovlev, comp. by A. Artizov, O. Naumov. Moscow, Democracy International Fund Publ., 1999. 872 p. (In Russ.)

Zhikhareva K.M. Desiat' let [Ten years]. *Viacheslav Shishkov v vospominaniiakh sovremennikov* [Vyacheslav Shishkov in the memoirs of his contemporaries]. Novosibirsk: Novosibirskoe kn. izd-vo Publ., 1987, pp. 106–116. (In Russ.)

Список иллюстраций

- С. 15. Титульный лист книги А.М. Ремизова «Огненная Россия» (Ревель, 1922). Авторский экземпляр. РО ИРЛИ. Ф. 256.
- С. 19. А. Эйдельсон. Письмо А.М. Ремизову. 23 августа 1921, Ревель. Надпись красным карандашом рукой Ремизова: «Ревель. Приветствие». Центр русской культуры (Amherst).
- С. 23. Телеграмма с просьбой встретить Ремизовых в Берлине, адресованная А. Барладеану неизвестным за подписью Andre. 20 сентября 1921, Рига. Надпись рукой С.П. Ремизовой-Довгелло: «Никто не встретил». Центр русской культуры (Amherst).
- С. 28. Титульный лист книги А.М. Ремизова «Ахру». Авторский экземпляр. РО ИРЛИ. Ф. 256.
- С. 30. Членский билет № 34 действительного члена берлинского Дома искусств «завобезволпала Алексея Михайловича Ремизова». За подписью Председателя Совета ДИСКА Андрея Белого и секретаря правления А.В. Бахраха. 1922, Берлин. Центр русской культуры (Amherst).

Studies on A.M. Remizov's creative biography: the beginning of emigration. 1921–1922

Elena R. Obatnina

Abstract: The social as well as historical and literary context of A.M. Remizov's creative biography, connected with the writer and his wife's departure from Russia (August 1921) and two years spent in "Russian" Berlin, is reconstructed in the paper on the basis of multiple archival materials. The biographical outline allows to fill temporal and historical literary lacunae in Remizov's letters to his wife, the main contents of the manuscript "At the Evening Dawn". The article is a stage in preparation of a scientific creative biography of Remizov, which will accompany the full publication of "At the Evening Dawn".

Keywords: A.M. Remizov, creative biography, epistolary literature, writer's letters, archival materials.

Information about the author: Elena R. Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS. St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru